

Кузурова Д. Д.
К ВОПРОСУ О ПРЕЗУМПЦИИ НИЧТОЖНОСТИ СДЕЛКИ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Кузурова Дарья Дмитриевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.kuzurova@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Согласно ст. 169 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК) сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения. Указанная норма подлежит применению даже в том случае, если нормативный правовой акт прямо не предусматривает недействительность сделки, осуществленной с нарушениями требований, содержащихся в таком нормативном правовом акте.

Законодатель Республики Беларусь установил презумпцию ничтожности сделки, не соответствующей требованиям законодательства, в то время как признание оспоримости такой сделки выступает законодательным исключением.

Несмотря на дискуссию, возникшую в ходе обсуждения изменений в ГК, с высокой степенью вероятности указанная презумпция будет сохранена. Вместе с тем данный подход достаточно длительное время подвергается критике со стороны ученых-цивилистов, поскольку не отражает в полной мере сущность гражданско-правовых отношений. Презумпция оспоримости сделок нашла отражение в законодательстве ряда государств Евразийского экономического союза. Примерами являются Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 168), Гражданский кодекс Республики Казахстан (ст. 158), Гражданский кодекс Республики Армения (ст. 305). В ряде государств (Австрия, Аргентина, Япония) все недействительные сделки признаются оспоримыми в силу отсутствия деления недействительных сделок на виды.

Анализируя материальные критерии разграничения ничтожных и оспоримых сделок, Д. О. Тузов, С. А. Зинченко предлагают осуществлять такое разграничение в зависимости от степени важности затрагиваемого интереса. При этом обосновывается, что ничтожные сделки – это сделки с самыми серьезными пороками, затрагивающими либо безопасность всего оборота, либо некий публичный интерес.

Следует отметить, что абстрактное понимание характеристик ничтожных сделок, вытекающее из презумпции ничтожности сделки, не позволяет рассматривать ничтожные сделки исключительно как сделки с самыми серьезными пороками. Осуществлять разграничение между ничтожными и оспоримыми сделками при таком подходе становится проблематичным, так как законодатель, устанавливая презумпцию ничтожности сделки, признает преобладание ничтожных сделок в обороте, хотя, очевидно, сделки, несущие повышенную опасность для общества (т. е.

ничтожные), составляют меньшинство в сравнении со сделками, имеющими частный интерес (т. е. оспоримыми).

В связи с этим представляется целесообразным установление определенно выраженных условий признания ничтожности сделки как на уровне ГК (например, закрепление презумпции ничтожности сделок, посягающих на публичные интересы), так и в рамках специального законодательства, регулирующего отдельные сферы общественных отношений. При этом точность и конкретность обозначения недействительных сделок, влекущих ничтожность, позволят исключить оценочный критерий при осуществлении квалификации.

В силу п. 2 ст. 167 ГК суд вправе установить факт ничтожности сделки по собственной инициативе, что является отступлением от процессуального принципа диспозитивности. Согласно ч. 2 ст. 298 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь суд может в зависимости от выяснившихся обстоятельств дела выйти за пределы размера заявленных требований, если это необходимо для правильного разрешения спора.

На наш взгляд, предоставление суду права установления факта ничтожности сделки по собственной инициативе является избыточным. Задача суда заключается в восстановлении нарушенного публичного интереса и защите заинтересованных лиц, чьи права и законные интересы действительно нуждаются в такой защите (малолетних, к примеру). Не все сделки, не соответствующие требованиям законодательства, подпадают под данную категорию.

Исходя из вышеизложенных доводов и опыта правоприменения иных государств, признающих презумпцию оспоримости сделок, полагаем целесообразным для законодателя повторно оценить обоснованность отнесения большинства сделок, не соответствующих требованиям законодательства, к ничтожным, а впоследствии закрепить презумпцию оспоримости таких сделок.

Осмоловский С. В.

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛОК: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

*Осмоловский Станислав Викторович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
stanislav.osmolovsky@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Совершение сделок посредством электронных средств является ключевым элементом электронной коммерции. Электронная форма сделки способствует простому и быстрому получению товаров и услуг, сокращая многочисленные издержки.

Согласно Модельному закону СНГ «Об электронной торговле» электронной сделкой признается любая сделка, совершенная сторонами сделки посредством проведения электронных операций по сделке.